

Фрагмент из романа

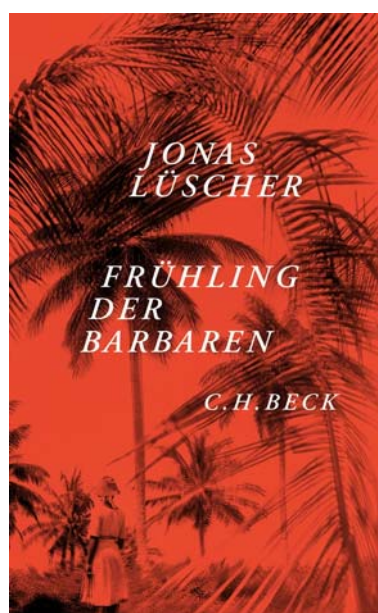
Jonas Lüscher
Frühling der Barbaren

C.H.Beck Verlag, München 2013
ISBN 978-3-406-64694-2

C. 20-28, 33-36

Йонас Люшер
Весна варваров

Перевод Марии Зоркой

(стр. 20-28)

– Далее я около полудня отбыл из столицы на внедорожнике. Один из подчиненных Слима Малука находился за рулем, Саида разместилась подле меня на заднем сиденье, ее ассистент уселся рядом с водителем. Скоро миновали мы пригороды Туниса, и в поездке я наслаждался пейзажем – чем далее, тем более суровым. Мы держали путь к оазису Чуб, где Саида управляла еще одним роскошным отелем во владениях отца. С ассистентом она обсуждала критическое состояние британской финансовой системы. В последние дни фунт резко упал. Велика опасность, что в дальнейшем принимать гостей из Англии не придется. Положение, и в самом деле тревожное, в те дни представлялось уж и вовсе непонятным. Чуть ли не ежедневно поступали известия о новых скандалах. Бесчисленные операции английских банков между собой, а также и с другими институтами, едва державшимися на грани падения, становились все менее и менее прозрачны. Саида и ее помощник – оба они рассуждали весьма компетентно и, похоже, знали в деле толк – опасались худшего. Что до меня, то несколькими днями ранее я твердо постановил не придавать значения происходящему. Однажды взяв за правило исключать из числа своих забот те непрозрачные дела, что в целом едва ли доступны пониманию и находятся вне пределов моего собственного разума, я не сожалею об этом и поныне.

Сам по себе ландшафт пустыни мне как-то особенно мил. Простор и даль, прямая как стрела дорога, и мы мчимся по этой дороге вперед. Только остались позади холмистые предместья и показались вдалеке величественные пески, как и для меня самого остались позади и городской шум, и льстивые речи Слима Малука, и вечная забота на лице Продановича.

Но мертвые верблюды! Внезапно мне пришлось оторваться от вдумчивого созерцания проплывающих мимо дюн. Картина, вдруг открывшаяся взгляду всего-то метрах в тридцати перед нами, на

мгновение лишила всех нас дара речи, а водитель резко ударил педаль тормоза, чтобы остановить машину. Серебряный монстр – туристический автобус с боковыми зеркалами наподобие слоновьих ушей, которые почему-то торчат по обе стороны дороги, – стоял как вкопанный на темной ленте асфальта, отражая солнце пустыни. Десяток, а то и полтора десятка верблюдов вповалку валялись на земле вокруг вставшего автобуса – и поодиночке, и грудой костлявых тел и обвисших горбов. Вывернутые, обессиленные верблюжьи шеи выглядели поистине безобразно. Одного верблюда буквально намотало на двойную переднюю ось автобуса. Неестественно вытянутая шея вяло повисла на разогретой резине громадного колеса, язык вывалился из открытой пасти с обнаженными желтыми зубами, нога застряла между колесом и кузовом, указывая прямо в небо мозолистой ступней, согнутой под острым углом. Туловище, стиснутое двумя колесами, не выдержало давления, и внутренности изверглись на дорогу.

Вокруг бездыханных животных собралась небольшая толпа. Мало сказать, что в воздухе висело напряжение. Двое-трое солдат в камуфляжной форме и зеленых беретах пытались успокоить пятерых или шестерых разъяренных бедуинов, но и у тех имелось оружие. Сзади, за солдатами, стоял в голубой рубашке с коротким рукавом, обливаясь потом, шофер автобуса с зияющей раной на лбу и в ответ ругательски ругал погонщиков. За зеркальными окнами автобуса смутно виднелись лица многочисленных туристов: одни глазели на эту сцену побледнев и разинув рты, другие прилипли к окнам, стараясь загрузить на карты памяти как можно больше подробностей злосчастного происшествия, чтобы вернуться домой с иллюстрациями к своему рассказу.

Тем временем мы, прогуливаясь, дошли до внешней стены и свернули влево, на широкую гравийную дорожку, которая следовала изгибам желтой ограды. Здесь Прейзинг несколько оживился. Взмахивая

руками, он пританцовывал на ходу, прытко исполняя шажок за шажком. – Саида дважды крепко выругалась, – продолжал он рассказ, – такого я никак не ожидал. Раз по-английски, другой раз по-французски, однако в буквальном переводе оба выражения содержали сходный смысл. Да, и она вышла из машины. Мы с ассистентом последовали за ней.

Прейзинг и его спутники встали у открытых дверей автомобиля. Сразу же ударила в голову палящая жара. Над горячим асфальтом, над убитыми верблюдами воздух трепетал, как будто в нем проявилась присущая звуковым волнам вязкость. Мерцающая визуализация возбужденных голосов, предсмертного верблюжьего стога. Наказав Прейзингу не отходить от машины, Саида плечо к плечу с ассистентом решительно направилась к месту сумбурного происшествия. И тут грохот одиночного выстрела перекрыл многоголосую разноголосицу. Увидев, как ассистент рывком повалил Саиду наземь, Прейзинг и сам проворно, как мог, запрыгнул на прохладную кожу заднего сиденья и захлопнул за собой дверь. Приглушенно слышались возмущенные возгласы из автобуса, громкие выкрики солдат. Затихли только стоны издохшего верблюда. Все ружья обратились в сторону того, кто за спинами других всадил пулю между вытаращенными верблюжьими глазами, выстрелом из карабина прекратив страдания животного.

Поспешно поднявшись на ноги и отряхнув элегантный брючный костюм от пыли, Саида включилась в дискуссию. Прейзинг, оставшись в машине, следил за развитием событий с безопасного расстояния. Саида быстро взяла дело в свои руки. Прейзинг констатировал, что в пустыне, точно как и на улицах столицы, она умела выказать и врожденное чувство собственного достоинства, и благоприобретенную власть.

– Шум, гам и суета, да еще и не без агрессии, – с очевидным неодобрением продолжал повествование Прейзинг. – И конца не

предвиделось, как не чувствовалось и малейшей попытки прийти к соглашению. Что ж, спор в этой части света обладает иной значимостью. Диспут разворачивается по совершенно иным правилам. Только не пытайся вмешаться! Безнадёжно, уверяю тебя, ты непременно выскажешься невпопад. Есть у них нечто, осмелюсь сказать, соревновательное. Дебаты ради дебатов. И не пробуй предложить им: послушайте, не надо горячиться, решим дело миром! Ведь их цель – именно распалиться, разгорячиться.

Обеспокоенно взглянув на меня, он продолжил:

– Лично я лишь впадаю в уныние от этих сердитых споров. Ни к чему они не приводят. Вот я и попросил водителя передать мне номер *Financial Times*, который лежал на приборной доске впереди. Газета освещала одну лишь тему, то есть неожиданную новую вспышку финансового кризиса – разумеется, в свете более чем затруднительного положения Англии – каковой разразился по причине краха Королевского банка Шотландии, где правительство с самого начала банковского кризиса удерживало более восьмидесяти процентов доли, и каковой в течение суток привел к внутреннему – ах, да что я говорю! – к международному хаосу, поскольку вследствие данного кризиса резко пошатнулась *Lloyds Banking Group*, а в этой банковской группе правительству принадлежат более семидесяти процентов акций, к тому же названные институты были – очевидно, без веденья правительства – повязаны между собой общими вложениями в нежизнеспособные ипотечные кредиты Бангалора и Малайи, так что аналитики ведущих газет сообща выразили уверенность в том, что английское правительство никак не в состоянии обеспечить страхование вкладов своих граждан. Логическим следствием данного анализа явился беспрецедентный штурм всех до единого банковских отделений в Соединенном Королевстве. Газета, которую я держал в руках, поместила фотоиллюстрацию, запечатлевшую один из филиалов банка в Ильфракомбе – городке, памятном мне по тем каникулам, когда я в

далекой молодости объехал на велосипеде графство Девон, исключительной своей безмятежностью, – иллюстрацию, в сравнении с которой та сцена с мертвыми верблюдами и вздорщиками, что я наблюдал за широким ветровым стеклом внедорожника, представлялась идеалом мира и гармонии. Человек превращается в зверя, когда дело доходит до его сбережений.

А там стрелок давал прочувствованное показательное выступление. Пав ничком на замолкшее – ибо, наконец, испутившее дух – животное, он издал вопль не менее громкий и душераздирающий, нежели сам верблюд. Ладонью он разгладил верблюжьи веки с женственными ресницами, он закрыл широко расставленные и уже окончательно потухшие глаза. С достоинством он поднялся, шагнул к следующему трупу, повергся ниц, испустил жалобный вопль, а вслед за тем прикрыл верблюду глаза. Этот ритуал он повторил с каждым животным, до самого последнего, и не пожалел на это времени. У Прейзинга перехватило дыхание, его объяла глубокая печаль.

Покуда Прейзинг читал газету, водитель присоединился к остальным, оставив его в одиночестве. – Обстоятельство, в ту минуту для меня весьма благоприятное, – пояснил Прейзинг, – ибо смятение, подобное тому, что овладело мною, заставляет стыдиться посторонних.

Водитель Саиды вместе с шофером автобуса профессионально обошел жестяного слона кругом, осмотрел помятую решетку радиатора, вяло попытался передвинуть ближе к месту повисший бампер, а вдвоем им даже удалось частично высвободить окоченевшего, торчащего ногой прямо в небо верблюда. Обменявшись затем несколькими словами с Саидой, водитель вернулся к машине. Тяжело дыша, он занял свое место за рулем.

– Мне вовсе не свойственно, – говорил Прейзинг, – вмешиваться в чужие дела, однако горе и боль погонщика верблюдов тронули меня

настолько, что я оказался не в состоянии соблюдать подобающую дистанцию и хладнокровие перед лицом этих смутных, для меня и поныне непонятных и чуждых мне событий, потому я и попросил водителя, кстати, превосходно владевшего французским, разъяснить мне происходящее на дороге. Тот сообщил, что вся эта история до крайности неприятна, хотя погонщик сам виноват в своем несчастье, не зря же строжайше запрещается гнать верблюдов по шоссе, а шофер автобуса, минув вон ту вершину, увидел караван слишком поздно. Саида разгневана до предела. С одной стороны, автобус принадлежит Ибрагиму Малуку, кузену Слима Малука, а хозяин верблюдов вряд ли имеет страховку, с другой стороны, пассажиры автобуса – это гости из отеля месье Малука, и теперь они пропустят рейсы домой, что впоследствии омрачит для них пережитую радость пребывания в оазисе Чуб. Однако еще хуже то, что другие гости в оазисе сейчас понапрасну ждут запланированной ими прогулки по пустыне, ибо верблюды как раз и находились на пути к отелю, а теперь нет никакой ясности в вопросе о том, кто в ближайшие дни возьмет на себя катание туристов на верблюдах.

Оба они глядели на дорогу, где верблюдов уже начали оттаскивать за ноги с проезжей части, а их владелец, усевшись в самой пыли и раскачиваясь всем телом, закутанным в белую ткань, безучастно наблюдал за происходящим.

Le pauvre, il est ruiné. Complètement¹. Никогда ему не встать на ноги – таково было мнение водителя. Разом потерять всех верблюдов. Все средства к существованию. Источник дохода всего семейства. Complètement ruiné. Преизинг поинтересовался, какова же стоимость одного верблюда. – Одиннадцать или, может, двенадцать сотен франков. Умножить на тринадцать.

¹ Бедняга, он разорен. Полностью (франц).

Прейзинг произвел подсчет. Четырнадцать-пятнадцать тысяч. Получается, от этой суммы зависит жизнь погонщика, существование всей его семьи. Прейзинг полностью утратил самообладание.

– И вот в пыли передо мной сидит этот человек и оплакивает своих верблюдов, всю свою жизнь и пятнадцать тысяч франков. Пятнадцать тысяч – та самая сумма, которую Проданович однажды с гордостью назвал мне в связи с отчетной пресс-конференцией. Мой доход в компании. Пятнадцать тысяч франков ежедневно. Только за счет собственной доли. Не учитывая жалования генерального директора, не учитывая других видов долевого участия, а также принадлежащей мне недвижимости и всего того прочего, что приносит прибыль. Пятнадцать тысяч франков в день, а этот человек из-за них разорен. Что же остановило меня, отчего я не открыл дверь машины, не подошел к нему и не дал ему денег на покупку новых верблюдов? Что же остановило меня?

Понятия не имея, что же его остановило, отчего он не вышел из машины и не дал тому человеку денег, в одном я не сомневался: причины он назовет мне тотчас. Прейзинг всегда находил обоснование для бездействия.

– Два обстоятельства, – заявил Прейзинг. – Проданович и Саида. Разве не сочла бы Саида подобный жест со стороны гостя личной обидой? Неподобающим вмешательством? Не тот ли человек, по отношению к которому я решил было проявить великодушие, своим безрассудством доставил ей столь многие неприятности? Что за впечатление сложится, если именно за это он будет мною вознагражден? Деликатная ситуация требовала более глубокого осмысления. И тут я вспомнил ежегодные заседания нашего Благотворительного комитета под председательством Продановича: один процент прибыли мы жертвуем на проекты помощи нуждающимся

и поддержку культуры. Но Проданович из года в год отказывается направить в Африку хотя бы один-единственный франк. Этот континент, мол, утопает в нашем попечительстве. Африка из-за наших субсидий лишилась дееспособности. Пусть африканский континент сам вытащит себя из болота за ушко сапога! Впрочем, как мне помнилось, Проданович имел в виду Африку к югу от Сахары. Но разве это не относится и к Тунису? Разве своими деньгами я не лишил бы дееспособности того человека? Не отнял бы у него возможность самостоятельно выбраться из нужды и, расправив грудь, собственными силами строить будущее? Правда, одного вида трясущихся его плеч мне хватило, чтобы понять: в этом случае помощь поистине необходима. И что там Проданович. И что уж за опасность подвести Саиду. Ничего мне это не стоит, я в состоянии почувствовать разницу. Итак, я принимаю решение. Разумеется, в кошельке у меня нет пятнадцати тысяч франков, а уж тем более – двадцати шести тысяч тунисских динаров. Пусть он просто запишет мне на листке номер счета для перевода этой суммы, не так ли? Но есть ли у этого человека банковский счет? Может, мне отправиться вместе с ним на ближайший верблюжий рынок и попросту купить ему тринадцать верблюдов? Вот только принимают ли к оплате на тунисском верблюьем рынке кредитные карточки?

Внутреннюю борьбу прервала Саида, которая села в машину рядом с Прейзингом, кратко принесла извинения за задержку и отдала приказ двигаться дальше. В сумрачном настроении увозили Прейзинга прочь от потерпевшего крушение автобуса, от убитых верблюдов и от их несчастного владельца, чья судьба все еще очень его беспокоила. Вскоре, однако, показались вдаль пространные финиковые плантации в оазисе Чуб. На ветру пустыни трепетали темно-зеленые кроны, а издали казалось, будто волны кудрявятся на поверхности прохладного озера.

(стр. 33-36)

Итак, усилиями англичанки Пиппы Грейлинг, учительницы, состоялось посвящение Прейзинга в состав гостей отеля-оазиса. Церемония, которую он прокомментировал мне со ссылкой на «кристаллизацию общества на маленьких немецких водах, куда прибыли отдыхать Щербацкие».

Пиппу и Прейзинга объединяло то обстоятельство, что оба они выбрали *Thousand and One Night* не по собственной воле. Пиппа оказалась здесь оттого, что сын ее именно в роскошном тунисском отеле решил праздновать свадьбу и по такому поводу велел слететься сюда семи десяткам друзей и родственников. «По мнению молодой пары из офисов Сити, – уверяла Пиппа, не скрывая раздражения, – только такой и может быть достойная свадьба».

Значит, сын Марк и его свежеиспеченная жена Келли составляли ядро той многочисленной группы, на которую Прейзинг обратил внимание еще у бассейна. Люди молодые, всем под тридцать или чуть-чуть за тридцать лет. Громкие и самоуверенные. Стройные и натренированные. Мужчины в песочных брюках свободного кроя, в рубашках-поло и мокасынах, женщины в топиках и узких шортиках, откуда торчат дочерна загорелые шелковистые ножки. И наманикюренные пальчики в шлепанцах. Если кто и решится зайти в воду, так только в таких плавках, какие всем знакомы по фотографиям юного Джона Ф. Кеннеди на пляжах Мартас-Винъярд, или в узеньких бикини, которые выставят в выгодном свете плоский животик и оправдают бритье интимной зоны. Даже обнажившись почти догола, они как будто выступали в форменной одежде. На всей территории отеля Прейзингу попадались их небольшие стайки. Отпускали остроты, облокотившись о барную стойку. Неистово целовались и совали друг другу ладошки под узенькие шортики, уединяясь в шатрах с климат-контролем. Отдавали персоналу самоуверенные распоряжения. Блуждали, чертыхаясь, среди пальмовых рощ в

поисках лучшего приема для своих Блэкберри, ведь размер их жалованья предполагал доступность везде и всегда. Прейзинг, правду сказать, недоумевал, как это Лондонский финансовый центр в такие дни мог лишиться пятидесяти юных талантов. Не исключается, однако, – так он решил, – что спасти уже нечего, вот они и спасают здесь самое себя. Данное рассуждение показалось Прейзингу поистине забавным и, кажется, развеселило Пиппу, однако вызвало у нее и презрительное фырканье, каковое Прейзинг на миг испуганно отнес к себе, но потом с облегчением понял, что оно адресовано компании на южном конце бассейна.

На северном же конце начинался перепад социального уровня, как выразилась Пиппа. Там обосновались родственники Келли, также званные на свадьбу, со всеми своими детишками, которые в купальниках кричащих расцветок без устали прыгали в бассейн и снова выбирались на сушу, и тут же опять прыгали в воду, визжа и горланя изо всей мочи, всячески досаждая своим мамочкам у воды, ведь из-за брызг женские журналы у них в руках уж совсем покоробились и потеряли вид. Вилли, брат Келли, с обгоревшей на тунисском солнце грудью, совершив раз-другой безуспешную попытку побрататься с мальчиками из Сити, отступил и нашел себе место в большом желтом плавательном круге, где прибег к помощи нескольких бутылок пива «Хейнекен» ради прояснения вопроса о том, как ему относиться к окружающей роскоши, которой он полностью обязан сестре и новому зятю, но которой он сам никогда не обеспечит свою семью. В первый день он испытывал сильное чувство презрения. За этим закономерно последовала невозмутимость. «Different world. Even a different planet², – думал Вилли. – Планета обезьян». Молодые люди на другом конце бассейна, казалось ему, все манерничают, все обезьянничают. «The young ones³», – называл он их про себя. Да, его ровесники. Да, но что они знают о настоящей жизни? Он вот троих

² Другой мир. Даже другая планета (англ.)

³ Молодняк; зд. также: звереныши (англ.)

детей растит. И уж как ему по вкусу собственные плавки с татуировочным узором.

«Мой муж, – сказала Пиппа, – всего раз вышел к бассейну. И провел у бассейна ровно столько времени, сколько ему понадобилось для выдвижения тезиса о том, что в этом поколении благосостояние определяется цветовой гаммой купальных костюмов». Неброские цвета – солидные счета. Так он сказал. «Санфорд – социолог», – пояснила она в извинение. Вообще-то Пиппа рассчитывала хоть немного подружиться здесь с родителями Келли, они ведь почти не знакомы. Но Мери и Кеннет Ибботсон с трудом перенесли климатический перепад между Ливерпулем и Чубом, а также смену обязанностей члена заводского производственного совета и домохозяйки на роль родителей невесты, чья свадьба стоит около четверти миллиона фунтов, а потому обретались преимущественно в своем климатизированном шатре.

– Пиппа откровенно выражала свое недовольство, – пояснил мне Прейзинг. – Недовольство профессией, избранной сыном, его окружением и тем обстоятельством, что свадьбу играют в тунисском отеле-оазисе. Впрочем, она сносила это недовольство с безмятежным спокойствием, столь свойственным ее приветливому характеру и тонкому уму. Я, однако, не преминул, следуя правилам вежливости, принести свои поздравления по случаю женитьбы ее сына. Она поблагодарила коротким ироническим смешком.

– Но после я сам, – продолжал Прейзинг, – нарушил радостное настроение вопросом о том, один ли у нее ребенок и не приходилось ли ей прежде присутствовать на подобных свадебных торжествах. Она ответила, мол, нет – Марк ее единственный ребенок, по крайней мере – единственный уцелевший. Лора, старшая дочь, погибла три года назад. Неподалеку от мыса Нордкап на морском маршруте «Хуртигрутен», во чреве круизного судна, где она служила библиотекарем. «Сгорела, – сказала Пиппа, – вместе с сотней-другой

скандинавских детективов и полным собранием сочинений Стендаля, которое занялось огнем из-за сломанного обогревателя».

Интонация, с какой она говорила о смерти дочери, поразила меня. Как будто она, рисуясь где-нибудь у стойки бара, рассказывает предысторию своего приметного шва или удаленной фаланги пальца. Может, так оно и бывает? Сравнимо с потерей части тела, ампутацией вследствие несчастного случая? Поскольку детей я никогда не имел, мне трудно вообразить, что означает подобная утрата, – заключил Прейзинг.